Автор: admin
19.01.2014 19:57 -

Невринома слухового нерва. Как с ней жить и бороться?

Эту часть статьи – о том, как бороться – хотела написать как можно суше и строже, без подробностей, только факты, но не получилось.

Кому-то эти подробности, может быть, и неинтересны. Ещё раз подчеркну (по себе знаю): поиск в Сети информации «из первых уст» от переживших хирургическое удаление невриномы почти бесполезен. На форумах чаще общаются те, у кого появились серьезные осложнения после операции, – читать это перед госпитализацией ужасно! Хочется положительной информации, а её нет. Именно поэтому я и пишу – чтобы она была.

Понять мои эмоции, с которыми я ехала в Москву в НИИ Бурденко, можно только пережив нечто подобное. Впереди – полная неизвестность, когда не знаешь, какой будет твоя жизнь – жизнь молодой, интересной, строящей планы женщины – через 2 дня, да и будет ли она вообще (нейрохирург не исключал и такой исход).

После долгой процедуры госпитализации я попала в 5-е отделение, в свою палату №6. Обстановка и атмосфера в отделении мне показались спокойными: тихо, уютно, чисто, комфортно. Пациенты ходят по коридору, пьют чай, смотрят телевизор, общаются с родными. Головы не перебинтованы, просто на области операции приклеено некое подобие пластыря, а некоторые и вовсе без него. Лысых нет.

На следующий день – беседа с лечащим врачом. Операция завтра. Я задала все заготовленные вопросы и узнала: лицевой нерв по возможности постараются не задеть (многое ещё зависит от локализации опухоли), брить будут только участок за ухом, кости черепа поставят на место и сделают аккуратный шов, поскольку я молода и хороша собой.

Вечером подписала бумагу, что предупреждена о риске хирургического вмешательства вплоть до самых крайних обстоятельств и мер. Последний прием пищи – обед, несмотря на то, что операция назначена на 5 вечера следующего дня.

В 8 утра я узнаю, что все изменилось, и мне пора. Срочный звонок мужу. Все так быстро, что даже бояться некогда. Медсестра приносит противоэмболические чулки, я ложусь на каталку и мы едем. На часах в коридоре 09:04, в голове – «Ангел мой, иди со мной, ты впереди, я за тобой» и «Отче наш»… Операционная, анестезиолог, капельница, «сейчас Вы…» – да, я уже чувствую, что проваливаюсь…

Очнулась я в реанимации. После операции пациента обязательно переводят в реанимацию. И, как только есть уверенность, что все хорошо, – в палату. Я была там с 14 часов дня операции до 10 утра следующего дня. Первое, что я сделала, когда пришла в себя – проверила, все ли в порядке с лицом. Открыла глаза. Попробовала улыбнуться. Получилось! Ура! Лицевой нерв цел! При выходе из наркоза пришлось нелегко. Зато первый завтрак буквально вернул меня к жизни (почти двое суток не ела!).

Первый день после реанимации я провела в постели, потом врач разрешил садиться, потом – вставать и ходить. У пациентов есть возможность воспользоваться услугами нянечек (за плату): они помогают абсолютно во всем – прием пищи, туалет, гигиена, что-то принести, подать, встать, походить с тобой по коридору и т.д.

Так потянулись дни восстановления и, к счастью, выздоровления. В первые дни ещё кружилась голова, от дыхательных трубок саднило горло, гнусавил голос, была слабость лицевых мышц, голова в области операции была онемевшей и ничего не чувствовала, спать я могла только на левом боку, но с каждым днем я все равно чувствовала себя лучше и лучше. Голова, к моей радости, не была брита полностью – только участок за ухом, так что с распущенными волосами этого вообще не заметно.

Выписали меня ровно через неделю после операции. Мой нейрохирург Вадим Николаевич Шиманский сказал, что жить мне дальше нужно так же, как и жила: противопоказаний нет, самое главное – ничем (ни баней, ни загаром, да вообще ничем) не злоупотреблять. Все в меру. Собственно, как и для всех здоровых людей. Опухоль оказалась непростой, на 100% удалить её не удалось, это было уже опасно. Поэтому через 3 месяца – контрольный снимок, а при отсутствии динамики роста следующий снимок – через год. Ну а при росте – тот самый гамма-нож.

С моего возвращения домой прошло чуть больше месяца. Ещё на больничном, но я работаю на радио и не смогла удержаться от того, чтобы не попробовать выйти в эфир. Кто бы мог подумать, что я смогу сделать это через 2 недели после трепанации черепа!!

Сейчас чувствую себя намного лучше, чем до операции, – прошли ужасные головокружения, восстановилась чувствительность лица, постепенно проходит онемение головы. Только вот слух на правой стороне вернуть, скорее всего, не удастся – слишком сильно слуховой нерв был поврежден опухолью. Но с этим можно жить, уже привыкла.

Зато теперь я понимаю – то, что нам кажется нашей слабостью, уязвимой стороной, запросто может стать нашим преимуществом, именно так произошло со мной. Размер опухоли, который не взялись оперировать местные хирурги, позволил мне попасть в руки прекрасных специалистов с золотыми руками – заведующего 5-м отделением НИИ нейрохирургии имени Н. И. Бурденко, д.м.н. Вадима Николаевича Шиманского и лечащего врача, нейрохирурга Владимира Кирилловича Пошатаева. Спасибо вам, дорогие!

Такую вот я прошла школу жизни. История моей болезни ещё не завершена, но самое страшное позади. Мне повезло, я отделалась лёгким испугом по сравнению с тем, что могло бы быть. К сожалению, не все операции приводят к такому же результату, я знаю и другие истории. Но, несмотря ни на что, желаю всем, кто столкнулся с подобной проблемой, оптимизма, надежды и веры в лучшее. Даже если очень страшно, нужно идти вперед и не сомневаться в тех, в чьих руках ваше здоровье и жизнь. Будьте здоровы!

P.S. По возвращении домой на многих сайтах оставила отзывы о НИИ им. Бурденко со своими координатами. За месяц успела поддержать и проинформировать об операции примерно 10 человек. С удовольствием отвечу и на ваши вопросы, если таковые возникнут.

Автор - **Элина Оборотова**
Источник